

Исаак Иегов

Голем

Исаак Иегов

Голем

«Автор»

2026

Иегов И.

Голем / И. Иегов — «Автор», 2026

На протяжении всей истории Земли насилие и ложь проникали в людской род. Голем являясь инструментом, созданным руками людей, не мог противиться воле своих создателей. Он выполнял указы, не задумываясь о исходе. Но однажды все поменялось. Сможет ли Голем пройти этот путь достойно? Эта история о том, что иногда даже глиняный сосуд способен быть человечнее людей.

© Иегов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Голем	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Исаак Иегов

Голем

И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать.

Ис. 2,4

Голем

Подобно Адаму, сотворенный из речной глины с Карлова моста и одушевленный словом истины, стал он движим. Но ни души живой, ни дара слова не дал создатель сему оберегу иудейского народа. Лишь безмолвное послушание поселилось в груди глиняной. Сосуд был полон приказов да тихих просьб, шепотов страха, что струились из уст раввина. И стал голем служить в самом сердце Праги, далеко от пыльных стен Иерусалимских, в этом каменном лабиринте, где тени готических шпилей ложились на улочки, полные чужих взглядов и сдержанной вражды. Что не прикажет, что не попросит раввин – все выполнит. И призрел на него Господь с небес, увидев в слепом орудии свет иного предназначения.

И познал Господа оберег иудейский. Познал не умом, но тяжелой глиной своей, что содрогалась в утренней молитве у синагоги, когда солнце золотило Староновую. Чувствовал он благодать, как осеннее тепло, и слово Божье, как тихий гул в костяных ушах. Но был он рабом у люда, что, пряча страх за высокими стенами гетто, сам научился страхом торговать и гнев копить. Чувствуя и испытывая на себе, как смолу, каждый день новый грех – жадность притворную, жестокость оправданную, гордыню затхлую – более вочеловечивался голем. В груди, где бился лишь магический шем, зарождалась странная, тупая боль, будто в глине трещина.

Бродил он по узким улицам Йозефова, и сынов, и дочерей Авраамовых защищал от рук неправедных. То глиняным щитом тела заслонит ребёнка от пьяной брани, то тяжелой, как жернов, рукой пригрозит неверному, что зазевался у лавки менялы. И рад бы был он, чтобы время текло, как Влтава под мостами, однообразно и вечно в этом служении. Но однажды, в час, когда солнце садилось за Град, окрашивая мир в цвет старой меди, идет он и видит: во дворе, где сохнет белье, грозный Аврам, мясник, чьи руки знали вес топора и секиры, бьет чешку-служанку. Бьет, не жалея кулаков своих, и губы его искривлены не яростью, а каким-то омерзительным, сладострастным гневом. Ни то полюбить его не смогла, ни то монету серебряную утаила. Не важно. Важно было другое: в ее широких, испуганных глазах, в тихом всхлипе, что был слышней крика, голем узнал ту самую боль, что мучила его изнутри.

И встал он на распути, которого не ведал. Восстать против сына народа Божьего – значит восстать против воли самого Господа, чей закон хранил этот народ. Но молчать – значит стать подобным. Его глиняный ум, простой и прямолинейный, зашел в тупик. А внутри бушевало, клокотало, требовало свободы. Это была душа, но Господь сокрыл знание о ней от него самого, дабы не смущать творение прежде времени. И стало так больно, будто сердцевину его раскалили докрасна, что более терпеть он не смог. Медленно, с скрипом сухой земли, шагнул вперед. Рука, способная сокрушить стену, легла на плечо Аврама. Мясник обернулся, и ярость его сменилась изумлением, а затем ледяным ужасом. Голем взял его за грубую одежду и швырнул, будто пустой мешок, о каменную стену. Тот осел беззвучно.

Чешка вскрикнула, но не от страха за себя, а от ужаса перед тем, что натворил ее молчаливый спаситель. Крик ее, острый как лезвие, пронзил вечерний воздух. И явились они – из окон, из дверей, как тени: евреи грешного города. Увидели грозного Аврама, распластанного у стены, и девушку, и неподвижного гиганта из глины. И все поняли без слов. Проблема была не в девушке.

Выбежал на улицу злой, перепуганный люд, а впереди всех – раввин, создатель его, лицо которого было бледнее полотна свитка. Устроили они суд скорый и праведный, земной суд над тем, в ком уже проснулась небесная искра. Гневно, с дрожью в голосе, спрашивал раввин: «Зачем? Зачем поразил ты брата своего, оберег иудейский?» Но голем молчал. Не мог он сказать, что защищал не чешку, а ту искру Божью в ней, что была оскорблена. Не мог объяснить, что боль его была голосом спящей души. Не наделил его словом ни создатель-еврей, ни в тот миг – Господь. И к смерти была приговорена Истина, явившаяся в тишине.

И тогда, в миг перед казнью, он познал. Понял вдруг, просто и ясно, как понимают падающие камни закон тяготения: где-то внутри, в самой глубине, глины в нем было куда меньше, чем в этих кричащих, жестикулирующих людях из плоти. Там было что-то иное. Душа. Раввин приблизился, палец его дрожал. Он стер первую букву со лба голема – алеф, превратив «Эмет» (Истина) в «Мет» (Смерть). Дыхание жизни покинуло глиняные уста. Не вес, а пустоту ощутил он, и увидел – нет, узнал – как дух его отделяется от тела и парит над переулком.

Печально смотрел новорожденный дух на тело свое земное, теперь лишь грудку праха, и на народ, что уже тащил бездыханный сосуд в синагогу, бормоча молитвы. Он видел не злобу в их глазах, а все тот же, знакомый до боли, слепой, животный страх.

И воспарил дух выше шпилей, выше облаков, в сады Господни. И принял его Творец. И спросила душа чистая, едва освоив дар речи: «Почему жесток народ твой избранный стал, так далеко от стен Иерусалимских? Почему страх рождает тиранов даже среди угнетенных?»

Господь отвечал. Но язык Его не был похож на человеческий. Он звучал одновременно на всех наречиях Земли: в нем слышался гортанный иврит, певучий чешский, славянская речь, и что-то еще – пение птиц на заре, и звон дождя по листьям, и скрежет земли при рождении гор, и тихий шепот ростка, пробивающегося сквозь асфальт, и отчаянный крик новой жизни, входящей в мир. Это был гимн всего сущего, крик боли и песнь любви, сплетенные воедино. Душа слушала, но не могла понять – смысл тонул в этой вселенской симфонии.

Не зная, что делать в тишине райских садов, обратила она печальный взор обратно на Землю. Увидела там не просто войны, а кровавую вязь распрей; не просто грех, а холодную, расчетливую жестокость; увидела, как мечи не перековывают на орала, а отливают новые, еще острее. И сердце ее, уже человеческое, сжалось от тоски.

Видя горесть ее, смолк многоголосый хор. И сказал ей Господь, и теперь слова Его были ясны, как струя родника: «Не могу Я смотреть на страдания души, что полюбила мир, едва его покинув. Иди. Возвращайся. Неси в мир тот любовь – не тихую, не всепрощающую, а любовь-пламя, любовь-меч. Иди и сокруши рукою своей мечи и ружья тех, в ком остыла искра. Не как голем, слуга повелений, но как человек, носитель Моего Слова и Моего Гнева. Ибо иногда, чтобы посеять мир, нужно выжечь поле войны дотла».

И душа, обретя новую цель, приготовилась к нисхождению. Внизу ее ждал не сосуд из глины, а колыбель нового века – и иная, трудная судьба

И открыл глаза глиняный Голем. Сознание пришло не вспышкой, а медленным просачиванием — как вода в сухую трещину. Он лежал в сырой тьме под сводами, где пахло вековой пылью, мышиным пометом и запекшейся древностью. Свет проникал редкими неровными струйками сквозь щели в кровле, и в этих золотых столбах, густых от кружащейся трухи, парило дитя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.